

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ИВАНОВА (1929–2017)

21 августа 2019 г. исполнилось бы 90 лет выдающемуся отечественному ученому Вячеславу Всеволодовичу Иванову. Широта научных интересов Вячеслава Всеволодовича делает вполне применимым к нему определение “ученый-энциклопедист” – определение, которого сегодня могут быть удостоены лишь редчайшие представители мирового научного сообщества. Не случайно задолго до присвоения Иванову звания действительного члена Российской академии наук (2000 г.) он уже был Иностранным членом и Американского лингвистического общества (1968 г.), и Британской академии (1977 г.), и Американской академии искусств и наук (1993 г.), и Американского философского общества (1994 г.), и др. Символично, что Вячеслав Всеволодович был избран иностранным членом Академий наук и Литвы, и Латвии, причем в годы, когда наши межгосударственные отношения стали достаточно напряженными.

Исследования Вячеслава Всеволодовича, посвященные исторической и сравнительной лингвистике, прежде всего индоевропейских языков, семиотике, психолингвистике, математической лингвистике, истории культуры, антропологии, стали классикой. Свои мысли ученый выражал и в поэтической форме. Незабываемо чтение им своих стихов, его переводы украсили русские издания многих зарубежных поэтов, а в 2005 г. был издан сборник его стихотворений.

Свою исследовательскую деятельность Вячеслав Всеволодович гармонично сочетал с педагогической: и в рамках работы в академическом институте (когда был насильственно отлучен от преподавания), и в университетских аудиториях. Причем с начала 1990-х гг. он уделял внимание не только отечественным, но и американским студентам и молодым ученым. В 1989–2001 гг. он был профессором Стэнфордского университета по кафедре славянских языков и литератур, а с 1992 г. и до конца жизни – профессором кафедры славянских языков и литератур и Программы индоевропейских исследований Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. При этом Вячеслав Всеволодович не оставлял работу в России. Он регулярно приезжал на родину, работая здесь до полугода. За это время им было прочитано более 1000 лекций в самых разных аудиториях. Кроме того, в 1991–1995 гг. Иванов стал одним из инициаторов и первым заведующим кафедрой теории и истории мировой культуры МГУ, а с 1992 г. – директором основанной им Русской антропологической школы РГГУ.

Нельзя также не упомянуть, что в самое сложное для страны время – в 1990–1993 гг. – Вячеслав Всеволодович согласился занять пост директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы. Во многом благодаря его международному научному авторитету Библиотеке в этот период удавалось пополнять свои фонды. До конца жизни Иванов оставался членом Попечительского Совета Библиотеки. Не менее важно и то, что в 2010–2015 гг. Вячеслав Всеволодович стал одним из основателей и Председателем Попечительского совета Фонда фундаментальных лингвистических исследований.

Вспоминая Вячеслава Всеволодовича, нельзя не сказать и о том, что он до последних дней оставался одним из величайших моральных авторитетов как в научной среде, так и в целом в демократических кругах российского общества. Таким авторитетом он был с дней своей молодости, когда отказался принять участие в травле Бориса Пастернака.

Таким он оставался и в 2000-х гг. В интервью Иванова последних лет читатели всегда находили четкие определения и нравственную оценку тому, что происходило в нашей стране.

Для нашего журнала всегда были радостью статьи, которые предлагал нам Вячеслав Всеволодович. Причем сама тематика статей поражала широтой его интересов. Тут и статья о роли гуманитарных наук в будущем современной цивилизации, и работа о знаменитом экономисте, основоположнике теории экономических циклов Николае Кондратьеве, расстрелянном в 1938 г., и исследование особенностей итальянских и русских “культурных кодов” на основе сопоставительного анализа соколиной охоты в новелле Боккаччо и в рассказе отца Вячеслава Всеволодовича – известного писателя Всеволода Иванова. В последние годы Вячеслав Всеволодович думал над статьей для нашего журнала на тему “Модернизация и культура”. К сожалению, этому замыслу не суждено было осуществиться.

Сегодня, вспоминая Вячеслава Всеволодовича в связи с его девяностолетием, мы хотели бы предоставить возможность ученым, близко знавшим его, рассказать об этом замечательном человеке. Не только вдумчивом исследователе, блестящем педагоге, но и подлинном гражданине своей страны.

Б. ВАЙН, И.С. ЯКУБОВИЧ

Вяч. Вс. Иванов — индоевропеист

В этом году в России и в мире отмечают девяностолетие Вячеслава Всеволодовича Иванова (1929–2017), выдающегося ученого-энциклопедиста, организатора науки, интеллигента, ставшего моральным компасом для многих своих современников. Найдется немного специалистов, способных оценить научные заслуги юбиляра во всей их полноте. В настоящем очерке мы сосредоточимся на вкладе Вячеслава Всеволодовича в сравнительную индоевропеистику и смежные аспекты лингвистики. Вместе с тем, поскольку научная деятельность юбиляра едва ли может обсуждаться в отрыве от его личной судьбы, мы постараемся подробнее остановиться на тех обстоятельствах, которые могли помочь или, напротив, помешать раскрытию его таланта.

Ключевые слова: Вяч. Вс. Иванов; компаративистика; индоевропеистика; хеттский язык.

DOI: 10.31857/S086904990005811-4

Вячеслав Всеволодович Иванов родился 21 августа 1929 г. и был единственным общим сыном в семье писателя Всеволода Вячеславовича Иванова и Тамары Ивановой (Кашириной), актрисы авангардного театра Вс. Мейерхольда. В молодом советском обществе, где традиционная наследственная аристократия была уничтожена, отправлена в изгнание или подвергнута остракизму, ее бывшее влияние частично перешло к художественным и научным элитам, бывшим в милости у нового режима. В 1932 г. Вс. Иванов участвовал в обеде со Сталиным и другими партийными вождями, где обсуждался план создания Союза писателей. Вскоре он стал одним из секретарей нового Союза и руководителем Литературного фонда, служившего его финансовой базой.

В чисто экономическом отношении в детстве Вячеслав Всеволодович пользовался привилегиями. Много времени он проводил на отцовской даче в Переделкино, где соседями были выдающиеся писатели и поэты, включая Бориса Пастернака. Тем не менее его ранние годы невозможно назвать безоблачными. В шесть лет он заболел костным туберкулезом, не-

В а й н Брент – Ph.D. профессор, университет Калифорнии в Лос-Анджелесе, отделение классической филологии. Адрес: Dodd Hall 289B, 315 Portola Plaza, Los Angeles, CA 90095 USA. E-mail: vine@humnet.ucla.edu

Я к у б о в и ч Илья Сергеевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела языков Института востоковедения РАН. Адрес: 107031 г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: sogdiana783@gmail.com

сколько лет был прикован к постели, что серьезно ограничило круг его общения. Родители предпочли, чтобы он учился дома, что было редким случаем в Советском Союзе. Его любимым занятием стало чтение книг из огромной библиотеки отца. Тем самым он избежал официального идеологического пресса, которому подвергалось большинство школьников в сталинской России. В более глубоком смысле счастливые обстоятельства и испытания детских лет, безусловно, способствовали его формированию как аристократа духа, который чувствовал себя как дома скорее в мире идей, чем среди обычных людей.

Уже подростком Иванов пробовал себя в качестве поэта и переводчика, и страсть к словесному творчеству он сохранил на всю жизнь. Одним из первых его наставников был Б. Пастернак. А позже, находясь в Ташкенте в эвакуации во время Второй мировой войны, он познакомился с Ахматовой и оставался ее близким собеседником до самой ее смерти. Интерес к теории литературы привел его в Московский государственный университет (МГУ), где он изучал филологию. Студентом он заинтересовался и новой научной областью, сравнительным языкознанием. В эту сферу его ввел живой представитель школы Филиппа Федоровича Фортунатова Михаил Николаевич Петерсон, который продолжал преподавать неофициальным образом даже в самые трудные годы. Историческое языкознание, в частности изучение индоевропейских языков, после войны стало официально рассматриваться в Советском Союзе как реакционное и антинаучное направление, поскольку его необоснованно связывали с гитлеровскими расовыми теориями. Новой ортодоксией, которая его заменила, было экстравагантное “новое учение о языке” Николая Марра – неуклюжая адаптация исторического материализма, связавшая различные типы языка с общественными формациями. Однако в 1950 г. произошла реабилитация сравнительного метода, инициированная самим Сталиным, вероятно, в соответствии с общим сдвигом советской идеологии к традиционализму.

В 1951 г. Вячеслав Всеволодович в аспирантуре выбрал сравнительное языкознание своей формальной специальностью. Его кандидатская диссертация “Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры”, представленная в 1955 г., снискала чрезвычайно высокую оценку в диссертационном совете МГУ. Она была признана качественно соответствующей докторской диссертации. Этим решением отдавалось должное тому факту, что Иванов единолично создал хеттологию в России (хотя ранее она до некоторой степени уже существовала в Грузии и Армении). В наше время диссертация опубликована в слегка измененном виде (см. [Иванов 2007]). Хотя докторская степень тогда не была присвоена (в Высшей аттестационной комиссии, которая должна была утвердить это исключительное решение, затерялся присланный экземпляр), Иванов моментально заслужил репутацию ведущего ученого в области исследования индоевропейских языков в Советском Союзе. В последующие три года он преподавал в МГУ, где основал новый семинар по математической лингвистике, и был заместителем главного редактора ведущего советского лингвистического журнала “Вопросы языкознания”. Ему даже было разрешено выехать на Запад для участия в международной лингвистической конференции. Это было редкой привилегией для советских ученых, даровавшейся обычно лишь почтенным исследователям.

Все это закончилось в 1958 г., когда Вячеслав Всеволодович публично поддержал своего наставника и друга Бориса Пастернака, выразив презрение к тем, кто травили его после публикации “Доктора Живаго”. Комиссии МГУ, созданной для “чистки” молодого неконформиста, пришлось найти “академическое” основание для своего решения: Иванов был обвинен в популяризации взглядов “предателя” и “антимарксиста” Романа Jakobsona, выдающегося лингвиста, не вернувшегося на родину по окончании работы переводчиком в советской миссии Красного креста и ставшего лидером Пражской школы структурализма. Шизофреническая природа этого обвинения отчетливо видна из того факта, что в ближайшие перед этим событием годы Jakobson, в то время – профессор языкознания и славистики в Гарварде, был желанным гостем на советских научных форумах. Иванов и впрямь стал его личным другом, вызывая, вероятно, жгучую зависть

у своих старших московских коллег, и познакомил его с Пастернаком. Впоследствии Якобсон сыграл важную роль в ознакомлении американских лингвистов с научными достижениями Иванова.

Изгнанный из МГУ, лишенный возможности найти научную работу в области гуманитарных наук, Иванов обратился к другой сфере своих научных интересов, которую он тогда начал разрабатывать. В 1959 г. он возглавил группу машинного перевода в Институте точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР. В то время сфера компьютерной лингвистики не считалась идеологически значимой, и она служила временным приютом и для других советских лингвистов, которым не удалось вписаться в партийную линию. Не пытаясь просто переждать трудное время, Иванов использовал новое место для поддержки и развития такой формальной лингвистики, как средства порождения метаязыка для процесса перевода. Согласно мнению современников, его предварительная работа сыграла важную роль в решении советской Академии наук расширить исследования в области “структурной лингвистики”, как именовались в ту эпоху любые формальные направления в лингвистике [Дыбо, Крылов 2009, с. 70]. Поскольку мы не вполне компетентны, чтобы оценить его личный вклад в развитие этой дисциплины, просто упомянем, что он был научным руководителем Игоря Мельчука, ученого, который определил развитие советской формальной лингвистики в те годы, приняв ведущее участие в разработке лингвистической модели “Смысл – Текст”.

В отличие от советских университетов, Академия наук СССР была полуавтономным институтом с относительно слабым идеологическим контролем. Близкий друг Иванова, Владимир Топоров, сумел найти для него рабочее место, которое больше соответствовало его компаративистским интересам. Более двадцати пяти лет (1961–1989) Вячеслав Всеволодович заведовал сектором структурной типологии Института славяноведения и балканистики, сменив в этой должности Топорова. В этот период были опубликованы его важнейшие труды в области индоевропеистики.

Выдающееся место в научном наследии Иванова занимают морфологические исследования, в частности реконструкция двух праиндоевропейских глагольных классов. Вячеслав Всеволодович разрабатывал эту теорию начиная с 1950-х гг., но детально представил в новой докторской диссертации, защищенной в 1978 г. и впоследствии опубликованной в виде монографии [Иванов 1981]. В хеттском языке имеется оппозиция между лексически распределенными спряжениями с окончаниями *-mi* и *-hi*, следы которой обнаруживаются и в других индоевропейских языках Анатолии. Индоевропеисты едины во мнении, что окончания *mi*-серии соответствуют окончаниям презентно-аористной системы в индоевропейских языках, не принадлежащих к анатолийской группе, тогда как окончания *hi*-серии находят свое ближайшее соответствие в перфектной парадигме ведийского и древнегреческого языков. Ряд ученых, преимущественно германофоны, отстаивают первичный характер грамматической дистрибуции между двумя сериями, отраженной в древнеиндийском и древнегреческом языках. Иванов, с другой стороны, постулировал их первоначальную лексическую дистрибуцию. По его мнению, *mi*-серия была первоначально типична для дуративных корней, тогда как предшественник *hi*-серии – для аористных. В то время как специфические семантические корреляты, предложенные для этих двух серий, продолжают оставаться дискуссионными, первоначальный лексический характер их распределения получает все большее признание среди ученых. В частности, его поддерживает в США Джей Джасанофф, который позже в значительной степени независимо пришел к схожим выводам [Jasanoff 2003]. Значимость проблемы двух глагольных типов заключается, среди прочего, в ее непосредственной важности для вопроса о раннем отделении анатолийских языков от остальных индоевропейских.

Важнейший вклад Иванова в области индоевропейской фонологии – так называемая глоттальная теория, созданная им вместе с грузинским ученым Тамазом Гамкрелидзе и впервые изложенная в работе [Gamkrelidze, Ivanov 1972]. Традиционная реконструкция праиндоевропейских смычных согласных выделяла три серии ларингальных звуков: глу-

хие, звонкие и звонкие придыхательные (например, $*t / *d / *d^h$). Гамкрелидзе и Иванов предложили вместо этого базовое различие между глухими, глоттализированными и звонкими смычными (например, $*t / *t' / *d$), тогда как придыхательность рассматривается в рамках данного подхода как нефонематичная. Основания для этого нового анализа имели типологический характер. Например, применение глоттальной теории позволяет объяснить редкость праиндоевропейской фонемы $*b$ (глоттализированный звук $/p^h/$ оказывается типологически редким) и несуществование праиндоевропейских корней, содержащих две звонких смычных согласных (структура $*t'eg'$ могла претерпеть диссимиляцию, которая соответствовала бы закону Грассмана). Глоттальная теория, которую независимо от Иванова и Гамкрелидзе разрабатывал Пол Хоппер [Hopper 1973], вызвала оживленную дискуссию среди специалистов. Некоторые индоевропейцы, особенно принадлежащие к Лейденской школе, принимают глоттальную теорию; другие полностью ее отвергают, а остальные участники дискуссии предпочитают промежуточные варианты, относя глоттализированные звуки к доиндоевропейской стадии или интерпретируя их как смычные согласные без придыхания. Безотносительно к конечному результату данного спора, гипотеза Иванова и Гамкрелидзе глубоко повлияла на взгляды индоевропейцев о значении типологического подхода в компаративной реконструкции.

Наиболее известная из работ Иванова – монография 1984 г., также написанная в соавторстве с Гамкрелидзе [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. Она представляет наиболее исчерпывающий компендиум реконструкции индоевропейского языка и культуры, предпринятой после Второй мировой войны. В отличие от большинства современных введений в эту область, эта книга не отражает ни общепризнанные точки зрения, ни перспективу какой-то конкретной школы. Обнаруживая хорошее знакомство с международным ландшафтом индоевропейистики, авторы берут на себя конечную ответственность за все предложенные ими реконструкции. Выдающаяся особенность монографии – внимание, уделяемое реконструкции праиндоевропейской лексики, а также обсуждение праиндоевропейского мировидения и индоевропейской мифологии. Данная тематика находится на периферии во многих центрах индоевропейистики, поскольку считается не имеющей строго научного характера. Для Иванова же она была неотъемлемой частью этой дисциплины, что отчетливо видно из его ранней общей с Топоровым работы об “основном мифе” праиндоевропейцев, где они реконструировали повествование о победе Бога Грозы над хтоническим Змеем [Иванов, Топоров 1974].

В упомянутой книге Гамкрелидзе и Иванова 1984 г. наибольшие возражения вызвало, безусловно, то, что они реконструировали родину праиндоевропейской культуры на Армянском нагорье. Согласно этой гипотезе, анатолийские языки отделились первыми, не позже IV-го тысячелетия до н.э., но их носители остались к западу от постулированной родины. Остальная часть индоевропейских языков разделилась на две группы, характеризовавшиеся соответственно $-r$ и $-i$ расширителями в медиопассивном спряжении. Первая группа в конечном счете развилась в итало-кельтские и тохарские языки, а вторая расщепилась на германо-балто-славянские и греко-армяно-индо-иранские. Армянский язык рассматривался как единственный потомок праиндоевропейского, на котором говорили на его родине в доисторический период.

Научная оценка этой схемы Иванова и Гамкрелидзе оказалась не единообразной. Их обсуждение языкового филогенеза, основанное на строгом применении сравнительного метода, было воспринято сообществом индоевропейцев со всей серьезностью, и многие его элементы близки к преобладающим на сегодняшний день точкам зрения. Напротив, гипотеза о родине языка и траекториях последующих миграций практически не нашла поддержки, отчасти потому, что ее авторы не смогли привести достаточных археологических аргументов в ее пользу. Сегодня лингвисты, интересующиеся индоевропейской прародиной, чаще всего локализуют ее к северу от Черного моря, в диапазоне от северных Балкан до северного Казахстана. Археологи же чаще считают родиной индоевропейского праязыка Малую Азию, причем обычно западную часть полуострова, и связывают

индоевропейские миграции с распространением сельского хозяйства, что предполагает более ранний распад индоевропейской языковой общности (в VII–VI тысячелетиях до н.э.).

Не менее важна, чем научные достижения Иванова, также и его роль в создании Московской компаративистической школы. Поэтому представляется уместным сказать несколько слов о Вячеславе Всеволодовиче как наставнике. Будучи во многом самоучкой, он больше ценил студентов, которые самостоятельно ставят перед собой интеллектуальные задачи. Себя же он видел главным образом как пример для подражания, помощника и партнера по диалогу. Характерна в этой связи история одного из его первых студентов, Владимира Дыбо, который позже произвел революцию в исследовании балто-славянской акцентологии. В середине 1950-х гг., работая школьным учителем в деревушке в Марийской автономной республике, он разослал в разные научные заведения запрос о возможности поступить в аспирантуру для изучения сравнительного языкознания. Иванов был единственным, кто дал ободряющий ответ, но подчеркнул, что такое изучение требует знания нескольких иностранных языков, и предложил список источников для чтения. Опираясь на эти источники, Дыбо написал текст, после чего был приглашен в Москву для сдачи экзаменов. Озадаченных экзаменаторов интересовало главным образом то, как он сумел прочитать всю эту литературу в марийской глубинке. Когда Иванов понял, что молодой ученый сформулировал свою задачу, он стал всемерно его поддерживать. Не раз, способствуя профессиональному продвижению Дыбо, он рисковал вызвать недовольство уважаемых ученых. Но Дыбо должен был сам сформулировать тему своей диссертации, и позже это стало обычным требованием в Московской компаративистической школе.

Научная деятельность, благодаря которой Московская компаративистическая школа в первую очередь известна среди индоевропеистов, включает, во-первых, реконструкцию внешних генетических связей индоевропейского праязыка, в частности ностратическую гипотезу, а во-вторых, исследование систем средств акцентуации в балто-славянских и других языках. Хотя Иванов поддерживал исследования по обоим этим темам, ни одна из них не принадлежала к его основным задачам. В этом смысле основоположниками Московской школы сравнительно-исторического языкознания были и Владимир Дыбо, и Владислав Иллич-Свитыч, известнейшими же ее представителями следующего поколения – Сергей Старостин и Евгений Хелимский. Однако московские компаративисты пользовались организационной и моральной поддержкой Иванова и считали его одним из главных вдохновителей своего интеллектуального сообщества. От него они переняли совокупность основных принципов своей научной работы: никогда не доверять реконструкции, если она не может быть независимо реплицирована; учитывать всю доступную вторичную литературу (к какой бы школе она ни относилась) и постоянно продвигаться в новых направлениях. Для Иванова эти принципы естественно вытекали из его опыта восстановления сравнительного языкознания в Москве после ухода со сцены “нового учения о языке”. Принятые Московской школой сравнительно-исторического языкознания, те же самые принципы были оптимальны для поощрения творческой работы нескольких талантливых ученых, хотя явно в меньшей степени – для поддержания устойчивой традиции. В этом смысле Московская школа заметно отличается, например, от Эрлангенской или Лейденской школ индоевропеистики, для которых характерна жесткая приверженность определенным канонам реконструкции.

Свободомыслие в научных исследованиях, обрисованное выше, распространялось и на общественную жизнь Иванова и его ближайшего круга. Отсюда понятно, что ни Вячеслав Всеволодович, ни ведущие участники Московской компаративистической школы не могли считаться вполне политически благонадежными в брежневском Советском Союзе. На деле это означало препятствия в научной карьере, ограничения в преподавании и почти полный запрет на поездки за границу. Иванов поддерживал контакты с зарубежными коллегами через тех из них, кто приезжали в Советский Союз, чтобы читать лекции и участвовать в конференциях. Когда его международная репутация выросла, директор Института славяноведения и балканистики начал приглашать его для услаждения разного рода иностранных гостей, приезжавших в Москву. Эту ситуацию

он с большим юмором описал в своих воспоминаниях [Иванов 2009]. Из-за его многочисленных международных контактов его досье в КГБ, вероятно, своей толщиной превосходило досье большинства его коллег. Однако после 1958 г. он ни разу не подвергался прямым репрессиям. Одно из объяснений заключается, пожалуй, в способности Иванова производить большое впечатление даже на тех, кто по службе должен был его контролировать. В тех же воспоминаниях Иванова говорится о негласном сотруднике спецслужб, который должен был следить за его поведением и контактами на конференции в Тарту, а в итоге вместо отчета пересказал содержание его выступления.

Жизненная ситуация Вячеслава Всеволодовича быстро изменилась с началом перестройки. В 1989 г. по квоте Академии наук (как и Андрей Дмитриевич Сахаров, Сергей Сергеевич Аверинцев и др.) Иванов был избран народным депутатом СССР. Он участвовал в работе съездов народных депутатов СССР, входил в Комиссию Совета национальностей по вопросам развития культуры, языка, национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия. Еще одним новшеством, привнесенным перестройкой, было право академических и других институтов выбирать своих директоров, и в том же году сотрудники Государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино предложили Иванову возглавить эту организацию. Иванов принял данную должность, будучи убежден, что интеллигенция должна разделить административную ответственность, если государство считает нужным ее делегировать. Некоторые критиковали его решение, поскольку в то время он уже преподавал в США и его роль как директора библиотеки могла быть только представительской. Однако Иванов оказался незаменим в данной роли, поскольку у него была возможность находить необходимые средства на международном уровне, что помогало библиотеке выживать в экономически тяжелый период начала 1990-х гг. Он отказался от директорства в 1993 г., когда понял, что скорее всего останется в США на длительный срок.

Осенью 1991 г. Иванов получил должность профессора Факультета славянских языков и литератур в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA), сохранив ее до самой смерти. Но по условиям назначения примерно половина преподавательской деятельности Иванова должна была отдаваться междисциплинарной университетской Программе индоевропейских исследований. Это была единственная аспирантская программа в Соединенных Штатах, полностью посвященная индоевропеистике, в особенности сравнительному изучению индоевропейских языков. Таким образом, хотя Вячеслав Всеволодович внес большой вклад в преподавание на факультете славистики Калифорнийского университета (прочитав ряд курсов широкой тематики – по русскому и славянскому языкознанию и культуре, включая русскую литературу и кино), его вклад в обучение индоевропейцев является не менее значительным и требует детальной оценки.

Педагогическая деятельность Иванова на ниве индоевропеистики в Калифорнийском университете имела много направлений, а его участие в соответствующей университетской программе принимало различные формы. Учитывая описанную выше исследовательскую траекторию Иванова, с его первопроходческим интересом к хеттскому и другим древним анатолийским языкам, неудивительно, что аспиранты-индоевропейцы получали чрезвычайно много от его курсов по хеттскому, лувийскому и ликийскому языкам и филологии, в которых он всегда обращался также и к сравнительно-исторической грамматике анатолийских языков. Но помимо регулярных курсов, была также возможность индивидуальных “практических занятий”, когда студенты встречались с Вячеславом Всеволодовичем в его офисе и читали (например) тексты на хеттском или лувийском. Благодаря такого рода деятельности научная щедрость Вячеслава Всеволодовича стала легендарной, как и теплота и поддержка, характерные для его личных взаимодействий со студентами. Преподавание языков, разумеется, не ограничивалось анатолистикой. Он регулярно преподавал тохарский и также (на незабываемом семинаре по “малым индоевропейским языкам”) знакомил студентов с малоизученными индоевропейскими языками, которыми сам страстно интересовался, такими как фригийский и нуристанские, среди многих прочих, включая фракийский, иллирийский, венетский и многие среднеиранские. Помимо этого Вячеслав Всеволодович

поочередно с другими преподавателями регулярно читал несколько “ключевых” курсов в рамках аспирантуры UCLA по индоевропейским языкам, включая индоевропейскую фонологию и морфологию. Что самое важное, Вячеслав Всеволодович читал востребованный курс по индоевропейской мифологии и поэтике (ведь он единственный на факультете мог единолично и убедительно его прочитать). Пожалуй, ясно и без слов, но все же следует подчеркнуть, что преподавание Вячеслава Всеволодовича никогда не сводилось к механическому внушению общепринятых идей: почти каждое занятие содержало материал, появившийся в результате собственного его исследования. Невозможно преувеличить вдохновляющее воздействие такого стиля обучения. Едва ли удивительно, что Вячеслав Всеволодович в итоге стал руководить (или участвовать как член совета) подготовкой докторских диссертаций Калифорнийского университета по широкому кругу тем, связанных с индоевропеистикой и, шире, исторической лингвистикой.

В заключение части о преподавании Иванова в рамках аспирантской программы по индоевропейским исследованиям надо упомянуть, что его готовность работать вместе с коллегами ярко проявилась в том, что он регулярно участвовал в коллективном Семинаре по исследованиям в области индоевропеистики. Это был курс для аспирантов первого и второго года обучения, который вводил их в индоевропеистику и учил тому, что значит быть профессионалом в этой области. Особую роль в этом курсе (что неудивительно в свете глубокого интереса Вячеслава Всеволодовича к истории науки) играли его рассказы об истории исследований в области индоевропейских языков. Благодаря энциклопедическим знаниям Иванова студенты выслушивали не только разъясняющие обсуждения гигантов младограмматических исследований в индоевропеистике (Германа Остхофа, Карла Бругмана, Фердинанда де Соссюра, Кёнига Вернера, Иоганна Шмидта и др.), но и вдумчивые экскурсии в творчество менее известных лингвистов (например, Грациаджо Асколи). Их идеи в руках Иванова неожиданно становились интересными и важными на широком историческом фоне, который студенты имели возможность рассмотреть. Действительно, Иванов всегда хотел пройти весь путь в прошлое вплоть до Франца Боппа, ученого, чье творчество в наши дни чаще всего игнорируется или даже (если и упоминается) воспринимается с презрением и насмешкой, хотя и принято считать его “отцом индоевропейского языкознания”. Вячеслав Всеволодович не поддерживал наиболее диковинные гипотезы Боппа, но умел оживить его идеи, отчасти посредством актуальных цитат из его работ. Благодаря этому студенты могли адекватно понять его ценный вклад в науку и методологию и значение его идей для развития индоевропеистики – да и, в сущности, всей области языкознания.

Сколь бы важным ни было четвертьвековое преподавание Иванова аспирантам-индоевропеистам, не менее важна была и его преподавательская деятельность в Калифорнийском университете, обращенная к *студентам*. В сотрудничестве с коллегой профессором Робертом Энгландом, выдающимся ассириологом, сотрудником Отделения ближневосточных языков и культур, Вячеслав Всеволодович разработал курс по системам письма (ср. [Ivanov 2013]). Эта тема на конкретных примерах иллюстрировала многолетний интерес Иванова к семиотике, которую он обогатил многими новыми идеями. Курс по системам письма остается популярным и ежегодно преподается студентам Калифорнийского университета. Кроме того, и в этом случае исключительно по собственной инициативе, Вячеслав Всеволодович разработал замечательный курс для студентов под названием “Языки Лос-Анджелеса”. Для этого курса он воспользовался чрезвычайным языковым богатством большого Лос-Анджелеса. Здесь нужно вспомнить об огромном интересе Иванова к армянскому языку и литературе (см., например, [Иванов 2011]), которые составили важную часть этого курса, вызвавшего большой резонанс со стороны двухсоттысячной армянской общины Лос-Анджелеса. Вячеслав Всеволодович прочитал этот курс несколько раз. Как ни печально, он не может быть воспроизведен во всей полноте в Калифорнийском университете в обозримом будущем, потому что ведь нет преподавателя, сопоставимого с Ивановым по обширности лингвистических познаний и глубоким личным связям со столь многочисленными языковыми сообществами Лос-Анджелеса.

Помимо большой преподавательской и наставнической деятельности, были и другие способы, какими Вячеслав Всеволодович обнаружил свой чрезвычайно ответственный подход к исследованию и преподаванию индоевропейских языков в Калифорнийском университете. Программа ежегодной конференции Калифорнийского университета по индоевропеистике часто включала научные доклады Иванова, которые впоследствии публиковались в томах материалов этих научных мероприятий (см., например, [Ivanov 2008; Ivanov 2010]). Кроме того, в сотрудничестве с коллегой по университету и специальности Брентом Вайном Вячеслав Всеволодович был редактором тома исследований в области индоевропеистики и смежных областях (UCLA Indo-European Studies, vol. 1), опубликованного в 1999 г. [Ivanov, Vine 1999]. Для программы индоевропейских исследований было весьма полезно, что сборник получил многочисленные и благоприятные рецензии – в немалой мере благодаря собственным текстам Иванова. Ведь почти половина статей в этом томе (пять из тринадцати) вышли из-под его пера, и они были посвящены широкому кругу тем от готского и индоевропейского синтаксиса и сравнительного исследования хурритского и урартского языков до древненовгородской, древнерусской и греческой этимологии. Научные работы Иванова в области исторического языкознания не только освещали, как видно из этой выборки, огромный спектр тем (фактически, выходя далеко за границы индоевропеистики), но были также широко известны своим количеством и объемом. Коллеги Вячеслава Всеволодовича по Калифорнийскому университету всегда удивлялись, слыша, как этот великий человек с обычной для него скромностью и самоуничижением говорил о собственной “графомании”.

На протяжении американского периода своей карьеры Вячеслав Всеволодович продолжал играть активную роль в российской научной жизни. Хотя он все более критически воспринимал разрыв между властью и интеллигенцией, проявившийся в правление Путина, он никогда не разрывал организационных связей с Россией. Статус действительного члена Российской академии наук (с 2000 г.) позволял ему культивировать творческие оазисы на более высоком уровне, чем в период руководства сектором в Институте славяноведения и балканистики. В частности, он был инициатором создания Института мировой культуры в МГУ и Русской антропологической школы в Российском государственном гуманитарном университете, став также первым руководителем обеих этих организаций. Отнюдь не пытаясь вникать в детали руководства с другого континента, он был, тем не менее, весьма активен в поисках человеческих ресурсов и средств. Одному из авторов этой статьи случилось отправить Иванову краткое сообщение по получении степени Ph.D. в США, и это запустило процесс, в результате которого ему было предложено несколько научных должностей в Москве. Вплоть до последних лет жизни Иванов проводил летние каникулы на семейной даче в Переделкино, выбираясь в город несколько раз в неделю, чтобы прочитать публичные лекции и выполнить административные обязанности. Все это делалось, когда Вячеславу Всеволодовичу было 70–80 лет, а в таком возрасте большинство профессоров уже счастливо живут на пенсии.

В годы работы Иванова в Калифорнийском университете были также изданы его монументальные сборники “Избранных исследований” [Иванов 1998–2010] (семь томов); [Иванов 2007–2008] (два тома); в совокупности они составляют 6000 страниц. Некоторые наиболее важные его книги по индоевропеистике были кратко рассмотрены выше. Но творческий спектр его интересов настолько широк, что пройдет много лет, прежде чем станет возможна полная оценка его вклада в эту научную дисциплину. В заключение можно сказать, что для индоевропейцев, которые учились в США в 1970-х гг. (как один из авторов этих строк), энтузиазм от знакомства с ивановским первопроходческим исследованием анатолийских и индоевропейских языков [Иванов 1965], обильно цитируемом в монографии [Watkins 1969]) как одно из фундаментальных исследований по индоевропейской лингвистике той эпохи, поистине изменил жизнь. Не удивительно, что гарвардский профессор индоевропеистики Калверт Уоткинс побуждал своих студентов учить русский язык, чтобы они могли прочитать работы Вячеслава Всеволодовича Иванова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. (1984) Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 тт. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета.
- Дыбо В.А., Крылов С.А. (2009) Академик Вячеслав Всеволодович Иванов (к 80-летию со дня рождения) // Известия РАН. Серия литературы и языка. № 4. С. 69–74.
- Иванов Вяч. Вс. (1998–2010) Избранные труды по семиотике и истории культуры. В 7 т. М.: Языки русской культуры – Издательский дом ЯСК; Знак.
- Иванов Вяч. Вс. (1965) Общеиндоевропейская, праславянская, и анатолийская языковые системы: Сравнительно-типологические очерки. М.: Наука.
- Иванов Вяч. Вс. (2013) От буквы и слога к иероглифу: Системы письма в пространстве и времени. М.: Языки славянских культур.
- Иванов Вяч. Вс. (1981) Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: индоевропейские истоки. М.: Наука.
- Иванов Вяч. Вс. (2007–2008) Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. В 2 тт. М.: Языки славянских культур.
- Иванов Вяч. Вс. (2007) Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. В 2 тт. Т. 1: Индоевропейские корни в хеттском языке. М.: Языки славянских культур.
- Иванов Вяч. Вс. (2009) Четверть века в институте славяноведения // Славяноведение. № 4. С. 102–106.
- Иванов Вяч. Вс. Топоров В.Н. (1974) Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука.
- Красухин К.Г. (2017) In memoriam. Вячеслав Всеволодович Иванов (17.VII.1929–7.X.2017). *Гедфтер* (<http://gedfter.ru/archive/22937>).
- Gamkrelidze T., Ivanov V. (1972) Sprachtypologie und die Rekonstruktion der gemeinindogermanischen Verschlüsse // *Phonetica*. Vol. 27. Pp. 150–156.
- Hopper P.J. (1973) Glottalized and murmured occlusives in Indo-European // *Glossa*. Vol. 7. No. 2. Pp. 141–166.
- Ivanov Vyach. Vsev. (2008) Archaic Indo-European Anatolian names and words in Old Assyrian documents from Asia Minor (20th–18th centuries BC) // *Proceedings of the 19th Annual UCLA Indo-European Conference*. Ed. by K. Jones-Bley et al. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man. Pp. 219–237. (*Journal of Indo-European Studies Monograph Series*. Vol. 54).
- Ivanov Vyach. Vsev. (2010) Distributive numerals in Tocharian B and Balto-Slavic // *Proceedings of the 21st Annual UCLA Indo-European Conference*. S. Jamison et al. (eds.) Bremen: Hempen. Pp. 129–136.
- Ivanov Vyach. Vsev. (2011) A probable structure of a protoform of the ancient Armenian Song of Vahagn // *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*. No. 1. Pp. 7–23.
- Ivanov Vyach. Vsev., Vine B. (eds.) (1999) *UCLA Indo-European Studies*. Vol. 1. Los Angeles: Program in Indo-European Studies.
- Jasanoff J. (2003) *Hittite and the Indo-European verb*. New York; Oxford: Oxford Univ. Press.
- Watkins C. (1969) *Indogermanische Grammatik, Band III: Formenlehre, 1. Teil. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion*. Heidelberg: Winter.

Vyach. Vsev. Ivanov as an Indo-Europeanist

B. VINE*, I. YAKUBOVICH**

***Vine Brent** – Ph.D., professor, Department of Classics, University of California, Los Angeles. Address: Dodd Hall 289B, 315 Portola Plaza, Los Angeles, CA 90095 USA. E-mail: vine@humnet.ucla.edu

****Yakubovich Ilya** – Ph.D. in Philology, leading research fellow, Department of Languages, the Institute of Oriental Studies, RAS. Address: Rozhdestvenka st., 12, 107031 Moscow, Russia. E-mail: sogdiana783@gmail.com

Abstract

This year scholars in Russia and many other parts of the world celebrate the ninetieth anniversary of Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (1929–2017), a polymath, organizer of science and eminent representative of the Russian intelligentsia, who became a moral compass for many of his contemporaries. There are few specialists in the world who are qualified to fully appreciate the academic heritage of the honorand in all respects. The goal of the present essay is to outline his impact on Indo-European Studies and, to

some extent, adjacent fields. In this particular case, however, it is hardly possible to draw a strict line of separation between the academic activities of the honorand and the external circumstances that influenced his life. Therefore, we shall also pay attention to those cultural and political events that arguably helped or impeded the realization of his talent.

Keywords: Vyach. Vs. Ivanov; comparative linguistics; Indo-European Studies; Hittite.

REFERENCES

- Dybo V.A., Krylov S.A. (2009) Akademik Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya) [Academician Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (to his 80th birthday anniversary)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, no. 4, pp. 69–74.
- Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. (1984) *Indoeyvropeyskiy yazyk i indoevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prazyky i prakultury*. V 2 t. [Indo-European and the Indo-Europeans: A reconstruction and historical analysis of a proto-language and a proto-culture. 2 vols.]. Tbilisi: Tbilisskiy Universitet.
- Gamkrelidze T., Ivanov V. (1972) Sprachtypologie und die Rekonstruktion der gemeinindogermanischen Verschlüsse. *Phonetica*, vol. 27, pp. 150–156.
- Hopper P.J. (1973) Glottalized and murmured occlusives in Indo-European. *Glossa*, vol. 7, no. 2, pp. 141–166.
- Ivanov V.V. (2008) Archaic Indo-European Anatolian names and words in Old Assyrian documents from Asia Minor (20th–18th centuries BC). *Proceedings of the 19th Annual UCLA Indo-European Conference*. Ed. by K. Jones-Bley et al. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man, pp. 219–237. (Journal of Indo-European Studies Monograph Series. Vol. 54).
- Ivanov V.V. (2009) Chetvert veka v Institute slavyanovedeniya [Quarter of a century at the Institute of Slavic studies]. *Slavyanovedeniye*, no. 4, pp. 102–106.
- Ivanov V.V. (2010) Distributive numerals in Tocharian B and Balto-Slavic. *Proceedings of the 21st Annual UCLA Indo-European Conference*. S. Jamison et al. (eds.) Bremen: Hempen, pp. 129–136.
- Ivanov V.V. (1998–2010) *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kultury*. V 7 t. [Selected works on semiotics and cultural history. 7 vols.]. Moscow: [Yazyki russkoy kultury–Izdatelskiy Don YaSK; Znak].
- Ivanov V.V. (1965) *Obshcheindoevropeyskaya, praslavyanskaya i anatoliyskaya yazykovye sistemy: Sravnitel'no-tipologicheskiye ocherki* [Proto-Indo-European, Pro-Slavic and Anatolian language systems. Comparative and typological essays]. Moscow: Nauka.
- Ivanov V.V. (2013) *Ot bukvy i sloga k ieroglifu: Sistemy pisma v prostranstve i vremeni* [From letter and syllable to hieroglyph: Script systems in place and time]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
- Ivanov V.V. (2011) A probable structure of a protoform of the ancient Armenian Song of Vahagn. *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*, no. 1, pp. 7–23.
- Ivanov V.V. (1981) *Slavyanskiy, baltiyskiy i rannebaltiyskiy glagol: Indoevropeyskiye istoki* [Slavic, Baltic and early Baltic verb: Indo-European origins]. Moscow: Nauka.
- Ivanov V.V. (2007) *Trudy po etimologii indoevropeyskikh i drevnepredneaziatskikh yazykov*. T. 1: *Indoevropeyskiye korni v khettskom yazyke* [Works of etymology of Indo-European and Old West Asian languages. Vol. 1: Indo-European roots in hittite]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
- Ivanov V.V. (2007–2008) *Trudy po etimologii indoevropeyskikh i drevnepredneaziatskikh yazykov*. V 2 t. [Works of etymology of Indo-European and Old West Asian languages. 2 vols.]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
- Ivanov V.V., Toporov V.N. (1974) *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: Leksicheskiye i frazeologicheskiye voprosy rekonstruktsii tekstov* [Research on Slavic Antiquities: lexical and phraseological problems in text reconstruction]. Moscow: Nauka.
- Ivanov V.V., Vine B. (eds.) (1999) *UCLA Indo-European Studies*, vol. 1. Los Angeles: Program in Indo-European Studies.
- Jasanoff J. (2003) *Hittite and the Indo-European verb*. New York; Oxford: Oxford Univ. Press.
- Krasukhin K.G. (2017) In memoriam. Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (17.VII.1929–7.X.2017). *Gefter* (<http://gifter.ru/archive/22937>).
- Watkins C. (1969) *Indogermanische Grammatik, Band III: Formenlehre, 1. Teil. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion*. Heidelberg: Winter.